

A man with dark hair, wearing a grey suit and a red tie, is seated at a wooden desk in a study. He is looking to the right, writing in a notebook. On the desk, there is a large open book with text and a lamp with a glowing white shade. The study is filled with bookshelves containing books and papers. In the background, a large window shows a scenic view of a mountain valley with green fields, a river, and snow-capped peaks under a cloudy sky. The overall atmosphere is quiet and focused.

Олег (gutmen)

**Из диалогов
МОЛЧУНОВ.**

Олег (gutmen)

Из диалогов молчунов.

<https://litres.ru/73936279>

SelfPub; 2026

Аннотация

По слухам из Голливуда, тамошние сценаристы сбились с ног, потеряли душевный покой и нравственное целеполагание в поисках нового слова в сценарном искусстве. Автор этого текста призадумался - и решается поднять его, то искусство, на ноги. Новые. Заодно и приобрести некоторый собственный новый опыт в написании диалогов. А там и до пьес недалеко. Первый случай-опыт перед вами. Интригующее это, оказывается, занятие - сочинять диалог автором, до конца ещё не ведающим, на какую правду жизни между мужчиной и женщиной умудришься-выведешь и его участников, и себя: на обрушение или же на взлётность после диалога, после авторства.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Олег (gutmen)

Из диалогов молчунов.

Глава

(В редакции от 3.6.2026 г.)

(Текст произведён авторскими побуждениями на приобретение опыта написания диалогов. Случай первый)

Прежде теория: введение, предисловие, завязка действия, кульминация, развязка, эпилог, выводы, что-нибудь из морально-нравственного, возможно, плачь Ярославны, etsetera Намереваюсь не перепутать, не чураться, соответствовать.

И приступаю. Канва такая: городская - к счастью, не самая пытающая слух и изнуряющая голос - улица. ОН, молодой мужчина. Назначаю его неспешно направляющимся по какому-то своему, видимо, актуальному представлению о его делах. Поодоль ОНА, молодая женщина. Назначаю её выражено по-девичьи миловидной, моложавой до затруднительности определения её возраста на глазок (только внутренним взором), остановившаяся в ареале предполагаемого ею неспешного прохода мужчины секунд через тридцать. Смотрите-ка, вдумчиво-зоркая: автор ещё не определился с набросками и содержанием героизма моего героя в предстоя-

щем ему диалоге, а ОНА за 30 секунд уж прочувствовала для себя и в себе нечто стоящее от приближающегося мужчины лет на 30 вперёд; Оба на вид задумчивы. Но ОНА, в отличии от НЕГО, как никогда "здесь и сейчас"; Импульс мечтательности о "так легко-просто, а так мило и счастливо!" столь соблазнительно и многообещающе обещал и запечатлеться благодушностью в её душе, и обернуть её - хоть бы и летней - снежинкой на ЕГО голову, что молчунья и не спохватилась увещевать себя устыдиться его, избежала высокоморального оттеснения его обратно не то апофеозом безнравственности центральной нервной системы, не то высшей нервной деятельности, переносящей что бы то ни было. Автор склоняется ко второму: диалог сочинить вознамерился обстоятельный, посильный именно второй сигнальной системе под предводительством высот, т.е. женской логики, в высшей нервной деятельности. Центральные нервишки щекотать моим героям первым же моим сочинительским опытом воздержусь. И ОНА оставила за собой покровительство единственно платонической живительности в упомянутом импульсе при определении им его приоритетом её, ни много ни мало, женственность её женской судьбы по линии соприкосновения с мужской прихотью. Судьбы, загаданной по центру (мало ли в какую экзальтацию ударится первый авторский опыт написания диалогов). Чувствуете, на что ОНА замахнулась!?

Автор, тоже не промах - натруженно и с трудом едва-ед-

ва сочинил это "Е2" и изложил в виде цивилизованного словосочетания. А героиня, не усомнившись, собирается этим руководствоваться по самую жизнь! О! Прослыть ей героиней чьих-то уже романов! Ну, а я пока элементарно наблюдаю - такие экзерсисы женщин над собой высокой литературой не пропускаются - за женской высшей нервной деятельностью в предлагаемом ниже диалоге. И, признаюсь, в нём подыграю-таки ей: присмотрю и сведу её с НИМ, со сносным малым, её собеседником; Блажен, кто посетил сей мир как сносный малый! И его посетителем сочиняющие о нём беседы; Мужской одарённости незачем ломать голову, зачем ей знакомиться с женщинами: всё равно кроме них ничего в мире для неё больше нет. А вот во имя чего девушка знакомится первой ? Вероятно, об этом нижесочинённый случай. Произведением Слова.

- Добрый вечер. Молодой человек, сориентируйте меня, пожалуйста, где в наших с вами в данный момент окрестностях ненавязчиво и мило предлагаются Maseratti для счастливых людей?

Стушевался бы, возможно, и пушкинист, но не мы: ни автор, ни остановивший на спрашивающей его девушке свой взор, чем-то внутренним в нём буквально затормозивший перед - секунд 15 как - молчуньей молчаливый с виду молодой мужчина. Он и отреагировал. К автору данного опыта создания диалогов никто во все его времена за Maseratti не обращался - вот и продолжу этот текст репликой молчуна в

честнейшем недоумении: когда-то она последует же. А - вот уже:

- Вы верите в Maseratti с первого взгляда?

- Я бы так не сказала. Хотя, не скрою, вера присутствует.

В остроту своего взгляда. И даже главенствует.

- От меня веет оправданностью первичности девичьих путей к Maseratti? Вы успели уверить веру, что это не иллюзия? Хоть и, кажется мне, действительно от счастливого человека

- Даже если и она - я уверена, ничем не угрожающая мне на пути моих поисков сегодняшним днём. А Maseratti - это я выучила для вручения мужчинам их веры в себя . . .

- Вот оно что Такой вашей выучкой вы прямо сейчас делаете из меня угрожающе заобожавшего нынешнюю стадию империализма. Maseratti - это я подучу.

- Я? Империализма? О, я не этого желала не такого безадресного что ли обожания в вас Но испытываю симпатию к масштабности этого в вас обожания. Конечно, слегка опешившей, но и вслед за вами заобожавшей такие масштабы мужских обожаний . . .

- Спасибо. И, кажется, вам идёт обожать. И, кажется, блестящим женским обожанием. . . . И не желая даже. Мне было лестно побывать обожаемым.

- Хотелось бы - и обожающим.

- Случаюсь и таким.

- В чём же?

- Да всё как-то с книжками. Преимущественно.

- Вы - находка для времён высшей стадии империализма . . .

Как-то незаметно для себя герои этого диалога стронулись с места и тихо - тихо пошли в сторону, в которую до начала их разговора шёл Он. Ура! Дело пошло.

- Сомнительно. Всё время в неё примешивается домашний диван. Но справляюсь: обычно в книжках писатели самое душещипательное оставляют на финал - стараюсь оказаться находкой для него. А у нас с него начинается . . . началось . . . и нечто Я даже про Maseratti научаюсь забывать.

- Вы о душещипательном?

О, остановились. Но, к счастью, не в разговоре (авторская удача). И Она продолжила:

- Вы умеете это нечто. . . . Откройтесь же, а что во мне послужило рождению в вас обожания империализма? Мне, как и вам, это уже любопытнее даже и самого Maseratti.

- Чем? Ну что ж, откровенность в школе мы проходили . . . Трогательностью в вашего вкуса к Maseratti выпавшего мне. Посреди и посредственных градостроительных кондиций вовсе не под него. За него-то и заобожалась мне даже сегодняшняя стадия империализма. Будучи в душе хоть мальчишкой в коротеньких штанишках, можно полюбоваться на девушку-материализацию вкуса и мечтательности о Maseratti.

- А я, кажется, начинаю глубиннее понимать какой мне

охотнее развиваться. И мимо уловок . . .

- А я, кажется, готов - даже и самонадеянно обрадован - дополнить такое женское понимание. Хотя и, если откровенно, рассекретил вашу женскую уловку с Maserati. Включите в вашу глубинность обожание масштабности моей самонадеянности?

- А я, кажется, становлюсь девушкой, не чуждой мужским дополнениям в меня.

- С исключением уловок?

- Соглашусь

- Спасибо. Это подарок женщины мужчине. А вот "А я", "А я" потянуло репетицией семейной склоки.

- Да? . . . К счастью, без восклицательных знаков после уловок.

- А вы сделали меня каким-то слегка по праздничнее сейчас. . . . Вам к лицу такие мужские метаморфозы. С восклицательным, признаюсь, знаком внутри.

- Мужчины способны так меняться с подачи незнакомок? И без измен знакомым? Теперь уже и мне по праздничнее.

- Берусь посчитать это за подарок мужчины женщине.

- Справедливо. И мне к лицу, как ваши метаморфозы.

- Доказать? Вот апофеоз добровольности моей изменчивости - просьба: не могли бы вы обернуть меня в лучезарного мужчину? Чувствую, что лучезарность в себе я бы заобожал поярче, чем империалистичность в любых стадиях яростности от доходов от неё.

- Это - честно?

- Приблизительно - да. Но, представляете, уже засвербило попытаться поучиться побывать с вами и не приблизительно почестнее.

- Признаю ещё одним бесценным подарком от какого-то дара . . .

- Честно - можете принять его на свой счёт.

- Принимаю. Не уловкой. Честно.

- А Trabant из нашей окрестности счастливицы вашей статности привечают? Счастливицы бывали замечены и в Trabant. И между прочим, появление Trabant подвигло немцев на симпатию аж к объединению их Германий.

- Уверена, что история немцев так и вершилась. С горечью от их Trabant. Но, во-первых, я не для истории - для внука. . . .

- У вас уже и внук?! Да вы ещё и почти прелестно подшучиваете в сторону мужских коротеньких штанишек . . .

- Я, во-вторых, о будущем: он посовременнее меня, видимо, выдастся счастливецом - не побратается, видимо, легковыми Trabant с Maseratti, а сплотится с кем-либо чувством лёгкого юмора. И, в-третьих, Trabant - это, легковесная, надеюсь, проходная потуга Германий - я всё ещё о Германиях - вырастать из штанишек, а Maseratti - из их мечтательности, уже ближе к её окончательному результату.

- Да-да-да . . . Но какие ещё внуки? У вас же вид только что из лучезарного странствия по ЕГЭ?

- Проницательно с вашей стороны. Особенно мило было про "лучезарность".

- Это я для связки слов в предложении . . . Вы же, не утаю, сурово прошлись вашей самобытностью по моему самолюбию: ведь коротенькие штанишки -то до сих пор на нём, и по сей пору не сняты. Даже и не расстёгнуты. . . .

- Обычно не девушки разоблачают молодых людей первыми , а они - женщин.

- Это, наверное, так. Но в общем. Я пока не из таких - я жду крейсер "Аврора";

- Масштабное ожидание И ожидаете в Trabant? И выручает?

На этом месте "штанишкам" молчуна стало - и сходу персонально-исторически - слегка неловко за выжидание "Авроры". К тому же и её "залп" уже исторически для "штанишек" уже прозвучал: не каждый день одаривает их и расстёгивает пуговики на них альтернативной мечте об "Авроре" идеей о существовании индивидуальной Maseratti. Девичьего пола и образа, разумеется (открывает вам глаза на историчность утаённой идеи молчуна автор этого диалога).

- Спасает. Невыразимо. Покуда дожидаясь немислимо попутного крейсера тепло и верится попутно, что кто-то дальновидно, уже заодно на перспективу, подбирает и подходящий для безболезненности самовыражения покладистый рейхстаг под штурм

- Да - да. И сам Обломов ещё непременно уже сочиняет

универсальный мем "Поехали!" под все виды персонального выжидания молодого индивида

- Наслышан о таком Обычно и вековечно тягается с мемом "Вздрогнули!" .

То ли "молодой", то ли Maseratti - что-то отозвалось-прозвучало в молчуне заслуженным им уже вполне. Невероятно неожиданно и для самого моего ответчика по диалогу нагрянул на него его черёд чем-то приодбодрить нечто, сваливающееся на его голову той самой летней снежинкой. Чем-то было надо, и уже хотелось, аж до самого снятия штанишек, продолжать (как и её автору-сочинителю) словесность. Молчун и соскользнул с выжидания всего крейсерского на индивидуальное очухивание в припасённом едва ли не в глубинной оригинальности от принципиальности:

- Девушка, а как молодому мужчине дойти до библиотеки пешком, пока без Maseratti? Я, чувствуется, не досмотрел за всеми мемами от Обломова

- Знаю я эти мужские "библиотеки" с юными библиотекарями

Девушка, кажется, тоже о чём-то догадывается: стушевалась бы курсистка Смольного института, да не выслушиваемая нами молчунья (я, кажется, приступаю уже сомневаться - молчунья ли?) - она и вторила молчуну, чтобы хотя бы не с этого момента диалога и не завернул в библиотеку по душу Обломова:

- В частности, днями на эхо залпа "Авроры", а, в об-

щем, ночами - в три раза моложе и молодцеватее самолюбием.

Молчун (в сторону, на 2,93 секунды приуныв в вычислениях): "в три раза? . в три раза? О, я, кажется, прохожу. . . о молодцеватости я поразмышляю завтра"; А для молчуны вслух продолжил:

- Девушка, а вы заставляли вашу влюбчивость в волнующем великодушии к таким "в два - три раза моложе", прибавившимся к ней на вере в реалистичность и лучезарность их прибоа? Я таким уже бывал в некоторых "библиотеках" (не унимался он - не автор! - он).

- И в частности, и в общем, вы, молодой человек, ввергаете в меня страсть днями и ночами учиться, учиться и учиться собственному характеру под восприятие прелести перлов и мемов мужского чувство юмора;

Молодцы молчуны. Автор бы уже и унялся: не успеваю за красотами в их умничаньи. Но - не молчуны (а вдруг у неё планы на искромётность его продолжения? Автору боязно их подкачать). Если простоять им молча ещё секунд пять, пришлось бы - стало бы и уместным - вежливо и дежурно им попрощаться. И молчуны заметно игриво и оживлённо, телесно изящно, вполоборота к молчуну, неспешно шагнула по тротуару с недвусмысленным намёком ему последовать рядом с ней. Игривость - не пошлость: отчего бы и не последовать.

- Молодой человек, а обладали ли вы чем-либо столь же

платонически дистантно облизываясь, как, вкушая, внимала им я?

- Да, в частности, самой платонической из похотелизированных слюной. А в общем, я - носитель страдальчества от непомерно платонической похотливости в бизнесе по платонизации безмерно похотливостезированного.

- !!!.....

Молчунья не унимается (понимаю: намолчалась за прошлые 4-6 секунд) и подыгрывает:

- О, да в вас уникальнейше соблазняющая видовая асексуальность!

- ???..... (не унимается при помощи бровей домиком и молчун)

- Из неё же прямо хлещет пробравшаяся в неё безошибочность для феминного чувства уносить от неё ватные ноги прежде, чем она отхлестает мозг.

- О, да! Ja - Ja! Она-то хлещет! Она не хлёткая, но - хлещет! И вы могли бы пройтись по данному нам в зубокальстве этому миру, допущенной мой маскулинный путь к супружеской любви и верности украсить отрезочком вашей сексуальности, выделенной из чуждо платонической нам сексапильности!

Вот это хлещут! Одними словечками! Хотя, может быть, это и есть диалог? Автор мало что из него осмыслил, но от теплоты пробежавших мурашек вспомнил абсолютно достоверно, во имя чего в детском саду самолично ещё додиалого-

во дёргал за косичку избранную девчущку, даже на соседнем горшочке умничающую, отвернувшись к подружке
Последуем же за молчунами. Хорошо-то как. Протяженько отлегло: знаю, за чем последую. Во имя тех мурашек.

- ? ? ?, а - !, !, ! Но ни за что, Опасаюсь дрожи от засилья свободы воли в данном отрезочке: может вбросить меня в женскую платоническую судьбинушку отрезанного ломтя.

- Она настолько коварная, эта ваша свобода воли?

- Нет. Мы с ней настолько гладкие.

- Как мужчина могу только посочувствовать всему переглаженному. Но безудержно порываюсь и напророчить вам: в вас, кажется, прогорает дар искромётно негладеньким сумасбродством вернуть, если что, себя к людям Ну, например, ко мне.

- К вам

- Ко мне: по мне, всё гладкое в женщине - уж точно не гадкое .

- О, поэзия выполняма! И вы пророк, провидец? (в сторону: стерильнее бы уж, конечно, что - нибудь, наконец - то, из Кашпировских)

- Ну, что вы. В вашей нескончаемой генетике это прогремело и было подмечено ещё до вас в саду Эдема в тамошних сумасбродствах методом надкусывания яблока.

Тема сумасбродства мою парочку молчунов несколько растрогала, подзадорила. И мне выпала пауза под данную ав-

торскую вставочку перед её капризом; ОНА:

- Предлагаю и настаиваю нашим эдемским сумасбродствам выдать пока решительный напор! Ой! Что со мной сегодня? . . . Конечно же - отпор, отпор, дать решающий всё отпор, богослов вы мой новоявленный.

- О, только не отпор! Каждому личному богослову, выдающему всему встречному сумасбродству решительнейший безадресный, а потому и беспомощный, отпор, воздаётся-выдаётся по верёвке его!

- Фу. Грубо

- Извиняюсь. . . . Ну, или по алкоголизму его

- Наверное, так спасительно заведено у мужчин.

- Наверное, - отвечал молчальник, - но я взбудоражен в себе предчувствием разворачивающейся другой истории.

- Я, конечно, не мужской историк, но мне по-девичьи любопытен разворот вашей. А вдруг я ему причиной или виной?

- Причиной. Винцо виной уж побывало От вас веет какой - то надвигающейся на меня счастливостью: я уже минуты три как не кручу головой и смазливо из "штанишек" не стреляю глазками по сторонам, где не видно вас. Правда, всё ещё бойко умничаю-хорохорюсь, но, ощущение, что и не тяжеломерно, и не надолго.

- О! И сумеете продержаться ещё минутки три?

- И не столько тужился - держался. Но уже не ощущаю в собственном взоре достаточной бесстыжести у его смазливо-

сти. Не могли бы вы пристальной девушкой попристальнее посмотреть в мои глаза: что там с той смазливостью?

- Я и в девичьей-то смазливости нерасторопна и разочарована. Но вашу готова посмотреть.

Она, остановившись и слегка обозначив придвинутость в его сторону, озорно (ведь по инициативе мужчины - не своей же) пару секунд демонстративно-игриво смотрит ему в глаза:

- Что и требовалось прочувствовать - не разбираюсь.

- Мизерная она или же недостаточно принципиальна?

- Не прониклась я ещё принципами бесстыжести вашей смазливости. Помешала, уж извините, девичье любопытство, что с вами случается, когда вы прекращаете умничать с девушками?

Молчальник останавливается. Осматривается по сторонам: где они находятся и кто, что вокруг них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.